

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-4-106-139

УДК 81-114.4

Е.А. Миронова¹, Ш.Ш. Унарокова², Ю.А. Ландер¹

¹ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
105066 г. Москва, Российская Федерация

² Адыгейский государственный университет,
385000 г. Майкоп, Российская Федерация

Абазинские и адыгейские демонстративы: моноцентричность под видом полицентричности

Статья посвящена анализу систем демонстративов в ашхарском диалекте абазинского и в темиргоевском диалекте адыгейского языков. Исследование основано на эксперименте по анкете Д.П. Вилкинса (Wilkins, 2018), выявляющей параметры, которые влияют на выбор демонстративов. Несмотря на некоторые различия, рассматриваемые системы сходны в том, что для них значимы расстояние от говорящего, ассоциированность с адресатом и видимость. При этом ни один из демонстративов не используется последовательно в ситуациях, когда референт находится рядом с адресатом: выбор также зависит от дистанции. Мы предполагаем, что данные системы не полицентричны, а, напротив, ориентированы на говорящего, и ассоциированность с адресатом – лишь один из параметров, ограничивающих включенность референта в зону говорящего.

Ключевые слова: абазинский язык, адыгейский язык, абхазо-адыгские языки, демонстративы, дейксис, моноцентричность, полицентричность, экспериментальные данные

Благодарности. Данные по абазинскому языку собирались в экспедиции, организованной при поддержке Фонда образовательных инициатив Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в рамках конкурса «Открываем Россию заново». Исследование Ю.А. Ландера выполнено при поддержке гранта РФФИ № 24-18-00879 «Принципы формирования полисемии и колексификации: границы возможного».

© Миронова Е.А., Унарокова Ш.Ш., Ландер Ю.А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Авторы благодарны участникам абазинского лингвистического проекта Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и слушателям семинара Международной лаборатории языковой конвергенции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Третьей конференции “Anatolia – The Caucasus – Iran” (Ереван, май 2025 г.) за обсуждение данных и основных положений исследования, а также анонимным рецензентам статьи за замечания и исправления. Мы выражаем особую признательность участникам экспериментов, результаты которых описаны в статье. Ответственность за все ошибки лежит на авторах работы.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Миронова Е.А., Унарокова Ш.Ш., Ландер Ю.А. Абазинские и адыгейские демонстративы: моноцентричность под видом полицентричности // Рема. Rhema. 2025. № 4. С. 106–139. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-4-106-139

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-4-106-139

E. Mironova¹, Sh. Unarokova², Yu. Lander¹

¹ HSE University,
Moscow, 105066, Russian Federation

² Adyge State University,
Maykop, 385000, Russian Federation

Abaza and West Circassian demonstratives: Monocentricity under the guise of polycentricity

The paper examines demonstrative systems in Ashqarawa Abaza and Temirgoy West Circassian. The study is based on an experiment using the questionnaire (Wilkins, 2018), which identifies parameters affecting the choice of demonstratives. Despite certain differences, both systems are similar in that they show the relevance of distance from the speaker, association with the addressee, and visibility. However, no demonstrative is used consistently when the referent is near the addressee, since distance from the speaker is also significant. We argue that these systems are not polycentric but rather speaker-oriented, where association with the addressee prevents inclusion in the speaker's domain.

Key words: Abaza, West Circassian, Northwest Caucasian languages, demonstratives, deixis, monocentricity, polycentricity, experimental data

Acknowledgments. The Abaza data were collected in a field trip supported by the Foundation for Educational Initiatives of HSE University (“Rediscovering Russia” program). Yury Lander’s research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-18-00879 “Principles of polysemy and colexification: The boundaries of what is possible”.

We thank the participation of the Abaza field project (HSE University) and the audience of the seminar of the Linguistic Convergence Laboratory at HSE University and of the Third International Conference “Anatolia – The Caucasus – Iran” (Yerevan, May 2025) for discussion, and two anonymous reviewers for their notes and corrections. We are particularly grateful to the participants of the experiments whose results are presented in the paper. All errors are ours.

FOR CITATION: Mironova E., Unarokova Sh., Lander Yu. Abaza and West Circassian demonstratives: Monocentricity under the guise of polycentricity. *Rhema*. 2025. No. 4. Pp. 106–139. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-4-106-139

1. Введение

Традиционно считается, что основная функция указательных местоимений (демонстративов) связана с дейктическим пространственным употреблением – указанием на объект (референт) через его отношение к месту речевого акта. Эта функция – экзофорическая – противостоит разнообразным эндофорическим функциям, предполагающим в первую очередь обращение к информации внутри дискурса (в частности, анафору). Однако экзофорическая функция является первичной по отношению к эндофорическим, даже если последние ее начинают вытеснять [Diessel, 1999; Levinson, 2018].

Тем не менее и в отношении экзофорических употреблений языки различаются по тому, каким образом они соотносят место речевого акта и референт. Как утверждается в литературе, основные противопоставления здесь определяются ассоциацией референта с говорящим или с адресатом (лично-ориентированная система) или с разным расстоянием от говорящего (дистантно-ориентированная система); см. [Anderson, Keenan, 1985, p. 282; Bhat, 2007, p. 177; Diessel, 1999, p. 39; Diessel, 2013]¹. Например, система латинских указательных местоимений описывается как лично-ориентированная: *hic* предполагает, что референт ассоциируется с говорящим, *iste* – что референт ассоциируется с адресатом, *ille* – что референт находится вне сферы коммуникации говорящего

¹ Ср., впрочем, основанную на специфических допущениях попытку свести разные системы к одной (лично-ориентированной) в [Lander, Haegeman, 2018].

и адресата [Pinkster, 2015, p. 1137]. Напротив, противопоставление демонстративов вроде *этот* и *тот* в русском языке связывается в первую очередь с (соответственно) близостью и дальностью от говорящего [Падучева и др., 2011].

Дистантно-ориентированные системы также называются моноцентричными, т.к. они содержат один дейктический центр (или «ориго» [Bühler, 1982], «indexical ground» [Hanks, 2011]) – говорящего, относительно которого определяется расположение референта [Diessel, 1999, p. 41; Schulze, 2008, p. 247–248; Diessel, 2013]. Лично-ориентированные системы, наоборот, отличаются тем, что они включают, в частности, демонстративы, ориентированные не на говорящего, а на адресата или на общий дейктический центр двух локуторов; соответственно, эти системы полицентричны.

При выборе указательного местоимения могут играть роль и другие факторы, кроме того, языки разнятся в деталях функционирования лично-ориентированной и/или дистантно-ориентированной систем. Этому способствует то, что выбор указательного местоимения зачастую не является результатом очевидного отнесения референта к той или иной области, но строится вокруг прототипических употреблений демонстративов и языки могут в разной степени позволять отход от таких прототипических употреблений [Wilkins, 2018, p. 55]. В этой связи интересно сопоставить функционирование демонстративов, входящих в сходные системы в родственных языках, поскольку внутривидовая типология особенно продуктивна для изучения континуальных параметров [Кибрик, 2005, с. 194; Шлуинский, 2014].

В этой статье мы рассмотрим неконтрастивные пространственные дейктические употребления указательных местоимений в ашхарском диалекте абазинского языка² и в темиргоевском диалекте адыгейского языка (оба языка принадлежат абхазо-адыгской семье). В основе нашего описания лежат экспериментальные данные, собранные по анкете [Wilkins, 2018], которая широко используется при анализе систем указательных местоимений для разных языков; см., например, многочисленные работы в сборнике [Levinson et al., 2018]. Альтернативный способ анализа трехчастных систем демонстративов предложен в [Ростовцев-Попель, 2009]. Как и в анкете [Wilkins, 2018], метод основан на инсценированных ситуациях, однако здесь используются контрастивные контексты и рассматриваются лишь четыре диагностических теста. Они

² С лингвистической точки зрения ашхарский диалект, по-видимому, ближе к абхазскому языку, чем к основному абазинскому диалекту – тапантскому [Chirikba, 1996, p. 14]. Впрочем, у нас нет оснований считать, что абхазская и абазинская системы демонстративов принципиально различаются.

сфокусированы прежде всего на значении среднего дейктика, которое считается ключевым различием трехчастных систем. Мы используем анкету [Wilkins, 2018], поскольку она позволяет систематически варьировать больше параметров и меньше зависит от предварительных теоретических допущений.

Из ареально близких обсуждаемым нами языков описание, основанное на этой анкете, есть для агульского [Мерданова, Федорова, 2002] и рутульского [Mukhin, Nasledskova, 2025] языков, принадлежащих нахско-дагестанской семье. Типология демонстративов в дагестанских языках также обсуждается в [Федорова, 2001]. Для абхазо-адыгских языков, насколько нам известно, специальных исследований семантики демонстративов не предпринималось.

Как мы увидим, системы функционирования демонстративов в рассмотренных идиомах следуют сходным принципам, но различаются в примечательных деталях. При этом абазинская и адыгейская системы показывают, что границы между лично-ориентированным и дистантно-ориентированным типами не всегда очевидны.

В разделе 2 рассматриваются подходы к описанию демонстративов в абхазо-адыгских языках, противопоставляющие лично-ориентированный и дистантно-ориентированный анализ. В разделе 3 описывается методология исследования, в частности, условия эксперимента и процедуры сбора и анализа данных. В разделе 4 представлены результаты эксперимента: отдельно для ашхарского и для адыгейского анализируются значения демонстративов и сопоставляются факторы, влияющие на выбор указательного местоимения. В разделе 5 сопоставляются обе системы, выявляются их сходства и различия. В разделе 6 предлагаются интерпретации полученных данных в более широком типологическом и теоретическом контексте. Наконец, в разделе 7 формулируются основные выводы.

2. Подходы к изучению демонстративов в абхазо-адыгских языках

Абхазо-адыгская семья включает пять языков:

- абхазо-абазинская группа – абхазский, абазинский;
- адыгская группа – адыгейский, кабардино-черкесский;
- убыхский язык (последний носитель умер в 1992 г.).

В таблице 1 приведены основные приименные формы демонстративов в каждом из языков (в абхазском и абазинском они совпадают с независимыми демонстративами, в других языках неприименное указание требует дополнительной морфологии). Разряды демонстративов условно обозначены римскими цифрами, которые в разных описаниях могут соответствовать ярлыкам «ближний», «средний», «дальний» или

«проксимальный», «медиальный», «дистальный». Мы не используем эти термины, чтобы избежать соответствующих ожиданий от семантики демонстративов, которая обсуждается в этой статье.

Таблица 1

Инвентарь демонстративов в абхазо-адыгских языках
[Demonstrative inventory in the West Caucasian languages]

	Абхазский [Abkhaz]	Абазинский [Abaza]	Убыхский [Ubykh]	Кабардино-черкесский [Kabardian]	Адыгейский [West Circassian]
I	<i>ару/абри</i>	<i>ару/абару</i>	<i>и</i>	<i>мы</i>	<i>мы</i>
II	<i>ани/абни</i>	<i>ани/абани</i>	–	<i>мо</i>	<i>мо/о/у¹</i>
III	<i>уу/убри</i>	<i>ауу/абауу</i>	<i>уэ</i>	<i>а</i>	<i>а</i>
(IV)	–	–	–	–	<i>джа</i>

¹ Варианты *о* и *у* представлены в шапсугском и бжедугском диалектах адыгейского языка. В литературе встречается утверждение, что к сочетанию этой местоименной основы и местоимения *мы* восходит и форма *мо* [Шагиров, 1977, с. 269; Кумахов, 1989, с. 93–94].

Во всех языках, за исключением убыхского, есть по меньшей мере три указательных местоимения. В адыгейском языке можно выделить и четвертое указательное местоимение (*джа*), в литературе почти не описанное (см., однако, [Барыльникова, 2013; Ландер, Унарокова, 2024]), но у него собственно пространственные употребления, по-видимому, почти отсутствуют – в частности, оно не появляется при ответе на используемую нами анкету. Для убыхского языка выделяется только два местоимения.

Противопоставление между демонстративами в убыхском языке описывается исключительно через расстояние (см., например, [Fenwick, 2011, с. 79]) и далее не обсуждается: эта система отличается от того, что наблюдается в других языках семьи. Указательные местоимения остальных абхазо-адыгских языков исследователи описывают на основании разных принципов – как лично-ориентированного, так и дистантно-ориентированного, хотя при этом указываются и дополнительные противопоставления вроде «видимый vs невидимый».

Лично-ориентированный подход. Дж. Хьюит в обзоре абхазо-адыгской семьи выделяет три уровня дейксиса, которым должны соответствовать три демонстратива: (1) около говорящего, (2) около адресата / видимый, (3) далекий или невидимый [Hewitt, 2005, p. 104].

Похожим образом А.Н. Генко описывает абазинскую систему указательных местоимений через тройное противопоставление: «предмет, о котором говорится, находится в ближайшем соседстве с самим говорящим» (соответствует абазинскому *ари*), «предмет, о котором говорится, находится в некотором отдалении от говорящего, в соседстве с тем, к кому речь обращена» (соответствует *ани*), «предмет, о котором говорится, находится в соседстве с третьими лицами, близкими или далекими, присутствующими или отсутствующими» (соответствует *ауи*) [Генко, 1955, с. 102]. Аналогично (впрочем, наряду с дистантно-ориентированным способом описания) представляет контраст между абазинскими демонстративами и К. Ломтатидзе [Ломтатидзе, 2006, с. 135].

Наконец, Г.В. Рогава и З.И. Керашева считают, что к аналогичной системе восходит тройное противопоставление в адыгейском языке, предполагая, что «указательные местоимения исторически подразделялись на *мы-р*, *мо-р* и *а-р* (здесь *-р* – показатель именительного/абсолютного падежа. – Е.М., Ш.У., Ю.Л.) не по признакам близости и дальности, а по принципам нахождения предмета около первого, второго и третьего лиц: первого лица – *мы-р*, второго лица – *мо-р*, третьего лица – *а-р*» [Рогава, Керашева, 1966, с. 85].

Дистантно-ориентированный подход встречается в описании всех абхазо-адыгских языков.

Общим для дистантно-ориентированных описаний абхазского и абазинского языков оказывается представление местоимений ряда *ари* как указывающих на объект, располагающийся близко к говорящему, и местоимений ряда *ани* как указывающих на видимый объект, располагающийся на расстоянии от говорящего. Дистантные местоимения ряда *ауи* трактуются по-разному:

- как относящиеся к объекту, который говорящий не видит (см. для абхазского языка [Chirikba, 2003, р. 33; Yanagisawa, 2013, р. 61], для абазинского [Клычев, 2000, с. 131]);
- как относящиеся к далекому объекту – в отличие от объекта, располагающегося неподалеку и в поле зрения (см. [Шадури, 2006, с. 43] для абхазского языка);
- как относящиеся к объекту, который находится рядом с третьим лицом (для абазинского см. [Ломтатидзе, 2006, с. 135], в том числе и в дистантно-ориентированном описании).

В абазинской грамматике Н.Т. Табуловой, впрочем, сообщается, что демонстративы ряда *ауи* указывают «на видимый или невидимый предмет (лицо), находящийся от говорящего не на отдаленном расстоянии»

[Табулов, 1976, с. 94]. Так или иначе, во всех этих описаниях выявляется дополнительный параметр видимости.

Те же сложности возникают и для адыгских языков. Здесь чаще всего противопоставление, лежащее в основе системы демонстративов, тоже трактуется как противопоставление, основанное на дистанции и видимости. Почти все описания сходятся в том, что указательные местоимения *мы* и *мо* различаются по тому, что первое указывает на объект около говорящего, а второе – на объект на некотором расстоянии. Особняком стоит работа Т.Н. Конук, в которой *мо* представляется как указывающее на объект между говорящим и адресатом [Конук, 2022, с. 147]. Иногда одновременно подчеркивается, что референт при использовании *мо* должен быть видим; ср. [Яковлев, 1948, с. 68; Colarusso, 1992, с. 53–54] для кабардино-черкесского языка и [Яковлев, Ашхамаф, 1941, с. 289; Керашева, 1957, с. 60; Paris, 1989, с. 177] для адыгейского языка (последняя работа при этом заявляет, что объект должен видеть адресат, что сближает ее с лично-ориентированным подходом). Впрочем, в неопубликованной работе Д.В. Барыльникова допускается использование *мо* при невидимом объекте, если говорящий специфицирует жестом направление, в котором он располагается (жест в этой работе вообще понимается как почти необходимое условие для появления *мо*) [Барыльникова, 2013]. В описании кабардино-черкесского языка видимость требуется для местоимения *мы* [Кумахов, 2006, с. 120]; ср. формулировку «на некотором расстоянии от говорящего, но видимо».

Проблема возникает с третьим указательным местоимением – *a*. Как указывалось выше, грамматика адыгейского языка определяет его исключительно через дистанцию («указывает на вещь (лицо), которая находится дальше от первого и второго лиц» [Рогава, Керашева, 1966, с. 85]). Другие источники настаивают, что значение *a* должно определяться через невидимость; ср. [Яковлев, Ашхамаф, 1941, с. 120; Керашева, 1957, с. 60; Paris, 1989, с. 177] для адыгейского языка и [Colarusso, 1992, с. 63–64] для кабардино-черкесского языка. В книге Н.Ф. Яковлева, впрочем, дается более аккуратная формулировка: «предмет невидимый или далекий, чуть видимый» [Яковлев, 1948, с. 68]. Д.В. Барыльникова (2013) также говорит лишь о том, что невидимость часто сопровождает употребление *a*.

Ниже мы увидим, что и в ашхарском диалекте абазинского языка, и в адыгейском языке выбор демонстратива не определяется исключительно ни связью с говорящим или адресатом или третьим лицом, ни дистанцией, ни видимостью – но все эти факторы оказываются важными.

3. Методология исследования

3.1. Описание эксперимента

Эксперимент, основанный на анкете [Wilkins, 2018], был организован следующим образом. Инсценировалась ситуация, содержащая по меньшей мере говорящего (консультанта), адресата и объект, который выступал в качестве референта указательного местоимения. Консультант должен был перевести предложение с демонстративом в соответствии с этой ситуацией с русского языка на абазинский или адыгейский язык. При этом в предложении на русском языке демонстратив обычно заменялся на пропуск или повторялись два варианта предложения (с демонстративами *этот, тот*), чтобы предотвратить эффект прайминга. Консультанта просили не использовать жест рукой, если не сказано иное, т.к. наличие жеста может влиять на выбор демонстратива [Levinson, 2018, p. 32–33].

Анкета состоит из 25 ситуаций, которые в схематическом виде приведены на рисунке 1. Говорящий отмечен на них как S, адресат – как A. Референтом в ситуациях 1–2 является часть тела, в ситуациях 3–5 – насекомое, в остальных ситуациях – любой предмет подходящего размера.

Пример ситуации (рис. 2) и соответствующего предложения представлены далее.

Ситуация (см. рис. 2): референт (красная книга) находится прямо перед говорящим, адресат сидит сбоку, т.е. он видит референт, но не может достать рукой.

Задание: обратившись к исследователю, переведите на целевой язык предложение «Эта/та книга красная» в соответствии с ситуацией.

Результат (1)–(2):

(1) абазинский язык

Ари апхъага къапцунI.

arəj á-pχ'aga qapš'ə-w-ṗ

dem(I) sp-книга красный-ipfv-ṗpst

(2) адыгейский язык

Мы тхылъыр плъыжсьы.

mə tχələ-g pləž'ə

dem(I) книга-abs красный

В ситуациях варьируются следующие параметры: расстояние от референта до говорящего (в [Wilkins, 2018] выделяется семь степеней удаленности, таблица 2), расстояние от референта до адресата (те же семь степеней удаленности), видимость референта для говорящего и для адресата, наличие пространственных границ (оконная рама, дверной

проем), наличие третьего человека. Анкета также содержит минимальную пару по наличию/отсутствию жеста (ситуации 4 и 5). Предполагается, что для каждого демонстратива одни ситуации будут более типичными, а другие – более периферийными или невозможными.

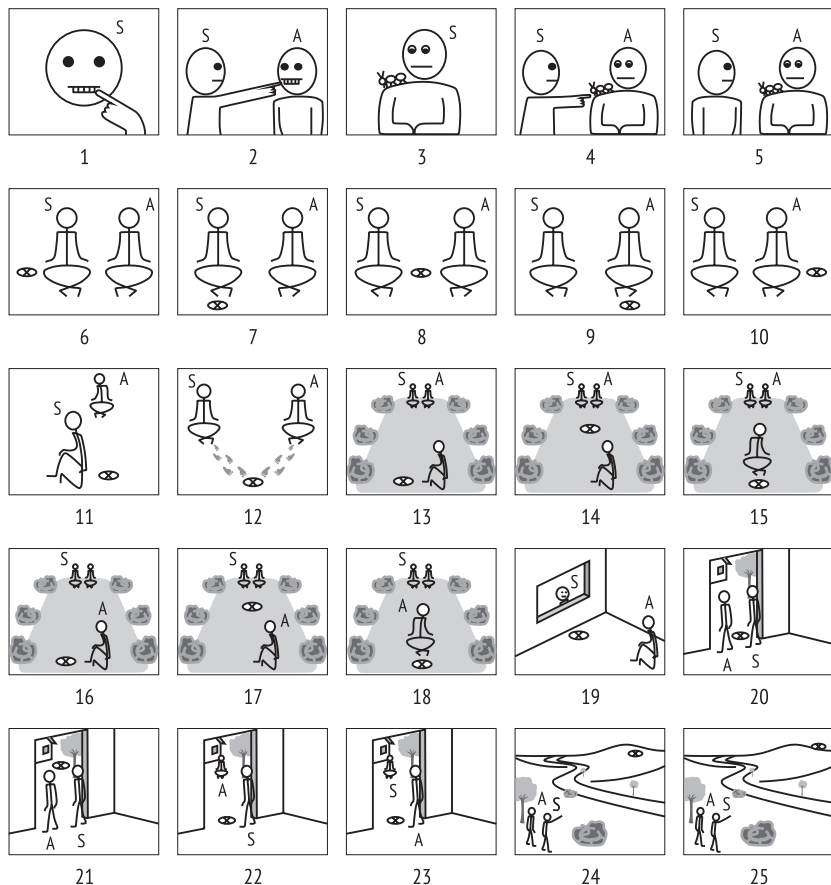

Рис. 1. Анкета по [Wilkins, 2018]

Говорящий отмечен как S, адресат – как A. Референтом в ситуациях 1–2 является часть тела, в ситуациях 3–5 – насекомое, в остальных ситуациях – любой предмет подходящего размера

Fig. 1. Questionnaire based on [Wilkins, 2018]

The speaker is marked as S, the addressee as A. The referent in situations 1–2 is a body part, in situations 3–5 it is an insect, in the remaining situations it is any object of a suitable size

Таблица 2

**Шкала расстояния от говорящего до референта по [Wilkins, 2018]
[Speaker-referent distance scale according to [Wilkins, 2018]]**

1	Референт – часть тела [The referent is a body part]
2	Референт касается тела [The referent is in contact with the body]
3	До референта можно дотянуться рукой [The referent is within arm's reach]
4	Референт в легкой доступности (в нескольких шагах) [The referent is within easy access (a few steps from the speaker)]
5	Референт в нескольких десятках метров [The referent is a few tens of meters away]
6	Референт на расстоянии более 100 м [The referent is more than 100 meters away]
7	Референт на расстоянии нескольких километров [The referent is several kilometers away]

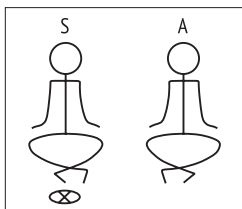

Рис. 2. Пример ситуации

Fig. 2. Example of a situation

за другими исследователями [Cutfield, 2018, р. 106; Bohnemeyer, 2018, р. 201; Mukhin, Nasledskova, 2025, р. 461], было решено не контролировать этот параметр.

В анкете Д. Уилкинса к каждой ситуации предлагались дополнительные вопросы для учета фактора первого/непервого упоминания. Однако в большинстве случаев в разных ситуациях использовался один и тот же объект, и просьба к консультанту вообразить, что он упоминается впервые, была бы по меньшей мере неестественна. Поэтому вслед

3.2. Сбор и анализ данных

Данные для абазинского языка были собраны в ходе Запднокавказской лингвистической экспедиции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в аул Старо-Кувинск (Карачаево-Черкесия) в июле 2024 г. В эксперименте участвовали носители кувинского говора ашхарского диалекта абазинского языка. Всего приняли участие 11 человек: 6 женщин и 5 мужчин от 45 до 85 лет.

Данные для темиргоевского диалекта адыгейского языка были собраны у носителей в Адыгее (город Майкоп и аул Хачемзий). В опросе приняли участие 10 человек: 9 женщин и 1 мужчина от 19 до 73 лет.

Результаты экспериментов представлены на рисунках 3–8 в виде таблиц, отражающих вероятность употребления каждого демонстратива в каждой из ситуаций. Результаты округлены до одного знака после запятой. Изображения ситуаций распределены по убыванию вероятности слева направо и сверху вниз. Предложенные в нескольких ответах производные формы учитывались как соответствующие им простые формы демонстративов, но в силу небольшого числа этих форм это не должно повлиять на наши выводы.

4. Принципы устройства ашхарской и адыгейской системы демонстративов

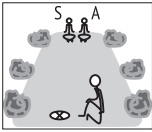
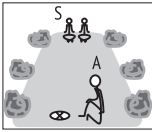
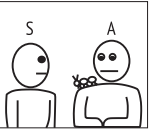
4.1. Предварительные наблюдения

В первую очередь нужно отметить, что ни ашхарская, ни адыгейская системы не могут быть описаны как исключительно дистантно-ориентированные или лично-ориентированные.

Расстояние не может являться единственным фактором, т.к. этому противоречат, например, ситуации 13 и 16, в которых расстояние от говорящего одинаковое, но различается расположение адресата (таблица 3).

Таблица 3

Ситуации, иллюстрирующие неединственность факторов [Situations illustrating that multiple factors are involved]

Ситуация [Situation]	Ашхарский [Ashqarawa]	Адыгейский [West Circassian]
13 	<i>ани</i> – 0,45 <i>ауи</i> – 0,45	<i>мо</i> – 0,8 <i>а</i> – 0,2
16 	<i>ани</i> – 0,27 <i>ауи</i> – 0,73	<i>мо</i> – 0,35 <i>а</i> – 0,7
5 	<i>апи</i> – 0,64 <i>ани</i> – 0,18 <i>ауи</i> – 0,27	<i>мы</i> – 0,25 <i>мо</i> – 0,7 <i>а</i> – 0,15

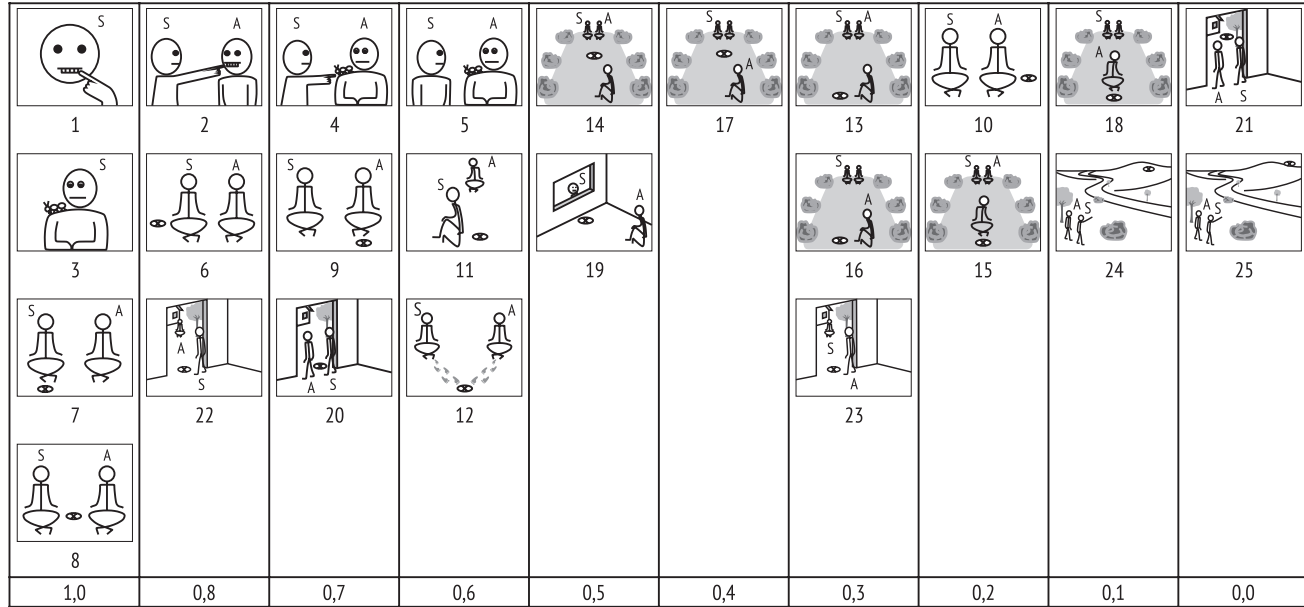

Рис. 3. Абазский язык: вероятность использования *aru*

Fig. 3. Abaza: Probability of using *araj*

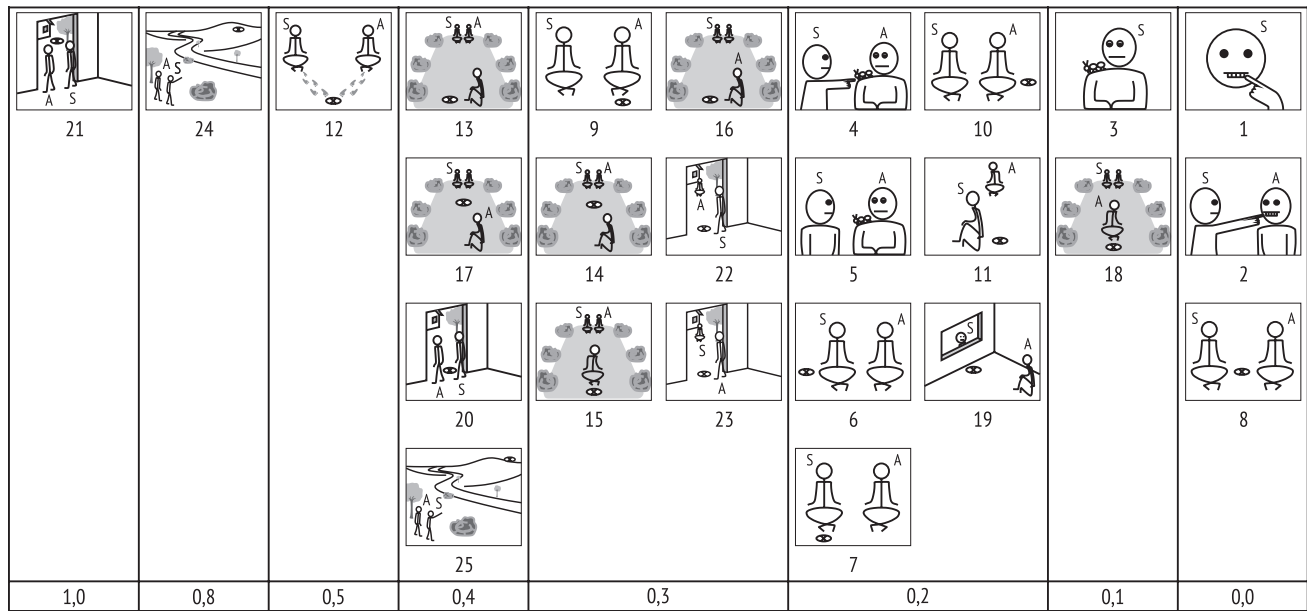
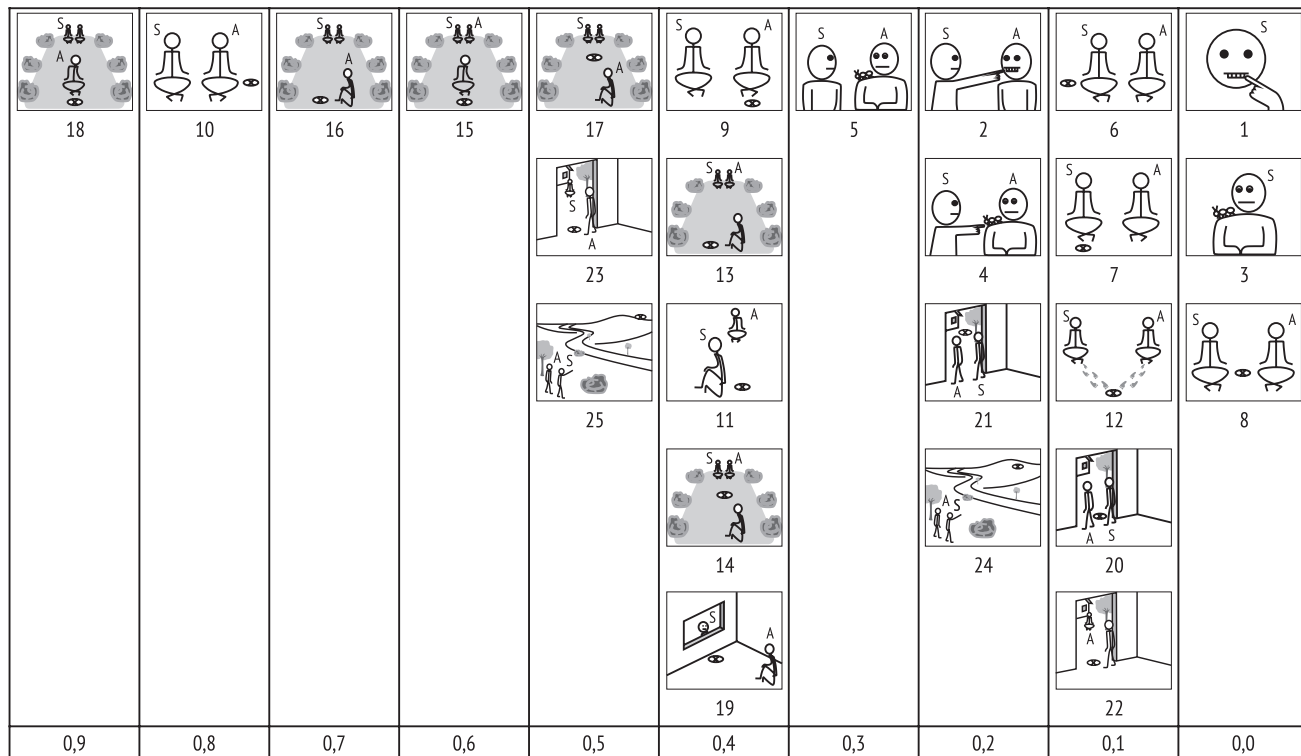

Рис. 4. Абазинский язык: вероятность использования *ани*

Fig. 4. Abaza: Probability of using *anəj*

Рис. 5. Абазинский язык: вероятность использования *ayu*Fig. 5. Abaza: Probability of using *ayu*

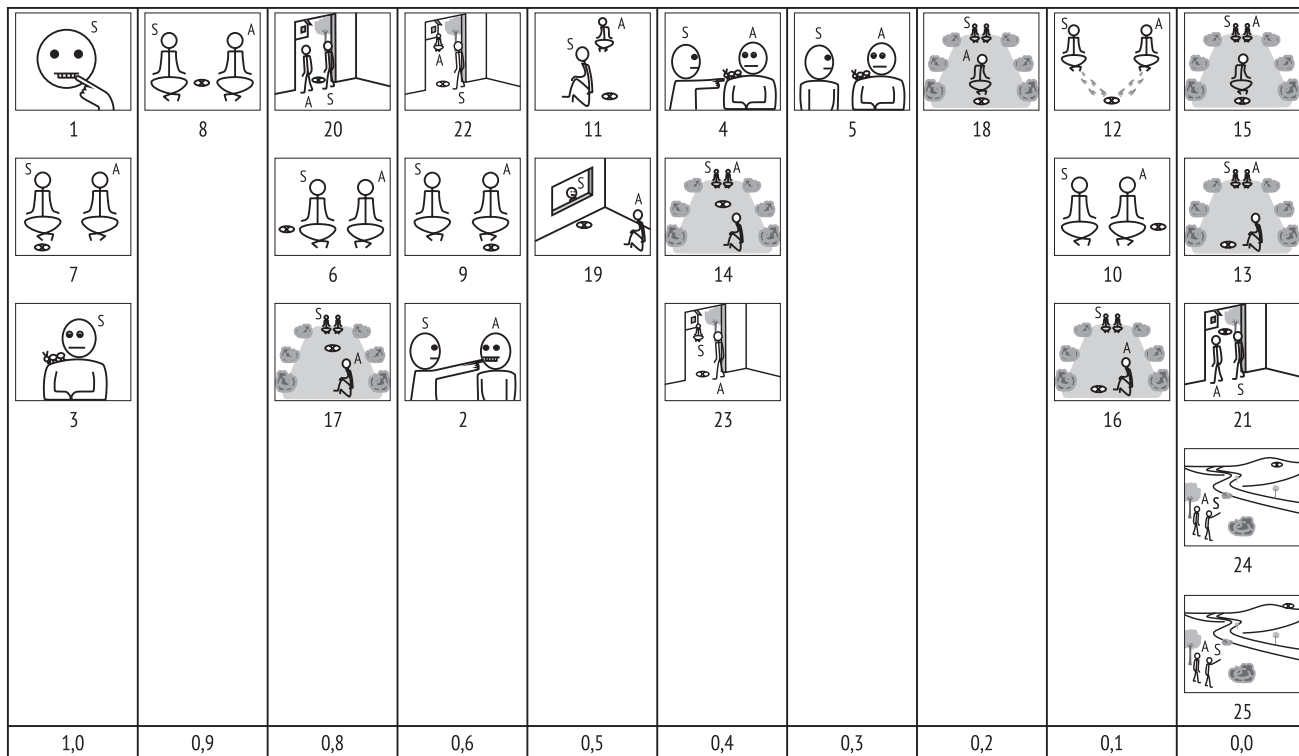

Рис. 6. Адыгейский язык: вероятность использования *мы*

Fig. 6. West Circassian: Probability of using *та*

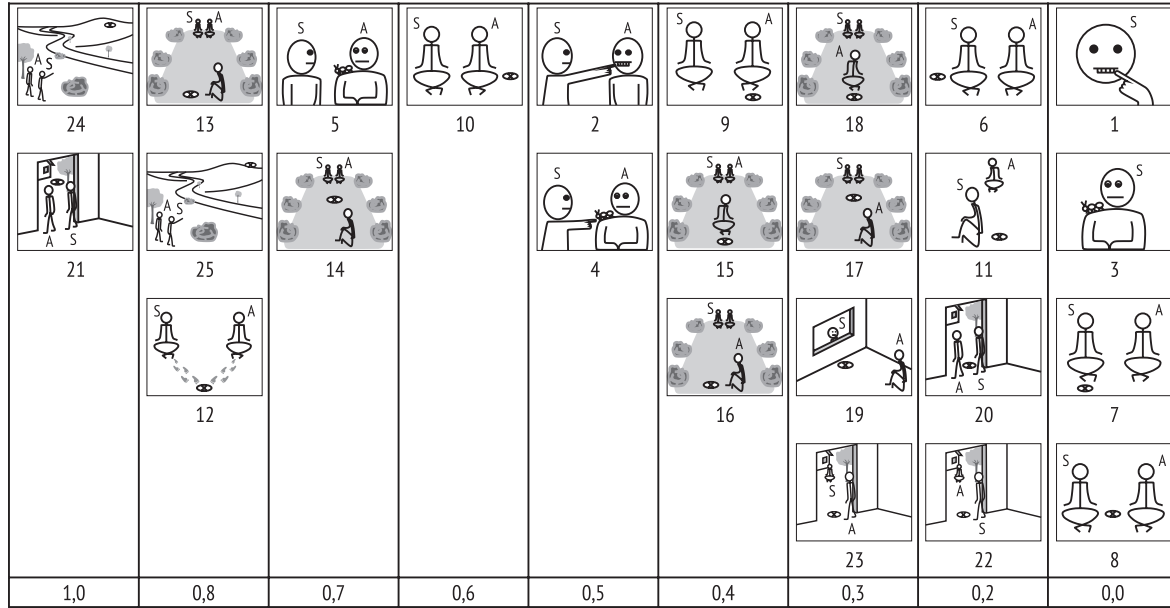

Рис. 7. Адыгейский язык: вероятность использования *mo*

Fig. 7. West Circassian: Probability of using *mwe*

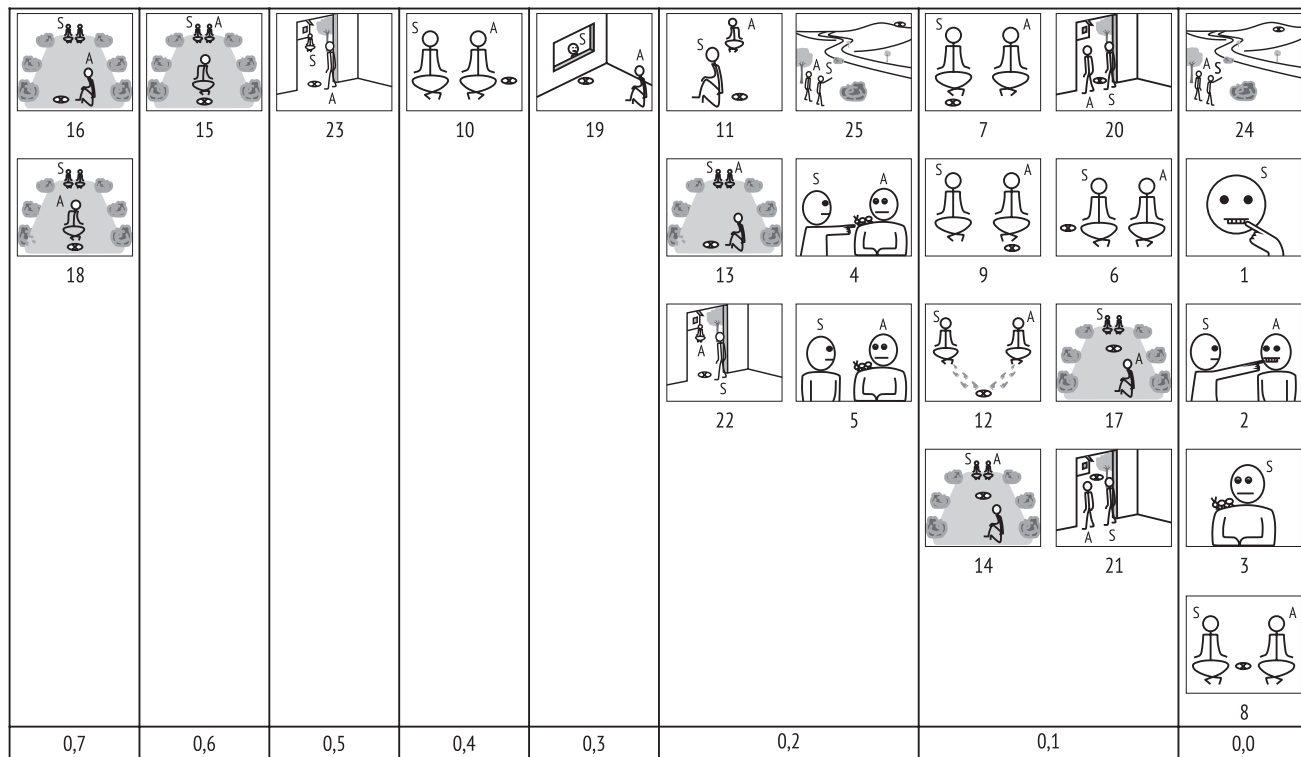

Рис. 8. Адыгейский язык: вероятность использования *a*

Fig. 8. West Circassian: Probability of using *a*

Описать употребление демонстративов исключительно через ассоциацию с первым или вторым лицом тоже не получится. Это показывает сопоставление ситуаций 16 и 5, в которых референт находится ближе к адресату, чем к говорящему, но предпочитают разные демонстративы (см. таблицу 3). Обозначение референтов в сравниваемых ситуациях различается для обоих языков, однако это различие не идентично.

Далее для экспериментов сначала проводится анализ значения каждого из демонстративов, а потом сопоставляются разные факторы. При этом релевантное различие между вероятностью появления демонстративов условно принимается в 0,2: другими словами, если разница составляет меньше 0,2, мы считаем расхождение с большой вероятностью случайным (хотя иногда все же отмечаем).

4.2. Значения ашхарских демонстративов

Вероятность употребления демонстратива первого разряда *ari* (см. рис. 3) в первую очередь зависит от расстояния от говорящего до референта. В ситуациях, в которых вероятность 0,5 и ниже, референт находится на большом расстоянии от говорящего (не в легкой доступности, т.е. >4 по шкале расстояния; ср. ситуации 17, 13, 16, 23, 15, 18, 24, 21, 25). В ситуациях, в которых вероятность выше 0,5, расстояние, наоборот, небольшое (≤ 4 по шкале).

Кроме того, невидимость референта говорящему сильно понижает вероятность *ari* (ситуации 10, 11). Также понижают вероятность использования *ari*, несмотря на другие благоприятные условия, такие факторы, как наличие пространственных границ (ситуации 22, 20, 19) и нахождение референта в явной зоне адресата, т.е. когда речь идет о части тела адресата или о насекомом на нем или когда объект располагается непосредственно перед адресатом (ситуации 2, 4, 9, 5). Указательный жест увеличивает вероятность *ari*, если референт находится близко к говорящему, но в зоне адресата (ситуации 4 vs 5).

Наиболее типичная ситуация для употребления демонстратива второго разряда *ani* (см. рис. 4) – если локуторы находятся рядом друг с другом, а референт им виден и достаточно удален от них обоих (>4 по шкале: ситуации 21, 24). Нахождение референта между локуторами (внутри коммуникативной диады [Jungbluth, 2003]; ситуация 17) и наличие третьего человека (ситуации 13, 14) сильно снижает вероятность употребления *ani*.

Демонстратив третьего разряда *au* (см. рис. 5) противопоставляется демонстративу I по расстоянию от говорящего до референта (ситуации 18, 16, 17, 23), демонстративам I и II – по видимости (ситуации 18, 10, 15, 25, 27), и отдельно демонстративу II – по ориентированности

на адресата (ситуация 16). Таким образом, наиболее типичным употреблением для *ауи* оказывается ситуация, когда референт находится на большом расстоянии (>4 по шкале) от говорящего, но близко к адресату (т.е. в зоне адресата) и при этом не виден говорящему, чему полностью соответствует ситуация 18. Доказательством влияния расположения адресата в контекстах, где демонстратив I не должен употребляться, выступает ситуация 16. При этом *ауи* может выбираться в ситуации невидимости, даже если референт находится недалеко от говорящего (ситуация 10). У двух носителей употребление *ауи* ограничивается контекстами, где референт не виден говорящему.

По результатам эксперимента мы можем обобщить основные значения демонстративов в ашхарском диалекте абазинского языка:

- *ари* (I) обозначает объект, находящийся близко к говорящему;
- *ани* (II) обозначает объект, находящийся одинаково далеко от говорящего и от адресата;
- *ауи* (III) обозначает объект, находящийся далеко от говорящего и близко к адресату, или невидимый объект.

4.3. Сопоставление факторов в ашхарской системе

Факторы, влияющие на выбор демонстративов, могут конкурировать друг с другом. Как было замечено, для указательного местоимения первого разряда основным фактором является «близость» к говорящему. Близким оказывается референт, до которого можно дотянуться рукой (ситуации 1–9). Если референт находится в нескольких шагах/метрах от говорящего, возникает вариативность (ситуация 12: I – 0,64, II – 0,55, III – 0,09; ситуация 14: I – 0,55, II – 0,27, III – 0,36), но все еще более вероятен I.

Интересно посмотреть, как соотносятся фактор расстояния и фактор ассоциации со вторым лицом. Объект, находящийся ближе к адресату, чем к говорящему, может обозначаться демонстративом III, но выбор демонстратива I все же преобладает, если референт на небольшом расстоянии от говорящего (ситуация 5: I – 0,64, II – 0,18; III – 0,27; ситуация 9: I – 0,73, II – 0,27; III – 0,45). В ситуации 10 демонстратив I уже почти не употребляется, но эта ситуация не очень иллюстративна, потому что референт мог быть не виден говорящему (I – 0,18, III – 0,82). Можно сделать вывод, что при выборе демонстратива I расстояние важнее, чем включение в зону адресата. Если расстояние «маленькое» (и референт виден), предпочитается демонстратив I, а если «большое», приходится выбирать между демонстративами II или III. На «большом» расстоянии от говорящего включение референта в зону адресата уже оказывается более значимым. Демонстратив III выбирается, если референт находится в зоне адресата (ситуация 16: II – 0,27, III – 0,73),

а II – если референт равноудален от обоих локуторов (ситуация 21: II – 1, III – 0,18).

Видимость тоже является определяющим фактором. На «большом» расстоянии для обозначения референта, который не виден говорящему, используется демонстратив III (ситуация 15: II – 0,27, III – 0,64; ситуация 18: III – 0,91; ситуация 25: II – 0,36, III – 0,55). В ситуации 10, когда референт находится на некотором расстоянии от говорящего, близко к адресату и при этом может быть не виден, все еще предпочитается III (0,82). Однако ситуация 11 показывает, что на «маленьком» расстоянии наблюдается вариативность (I – 0,64, III – 0,36) с перевесом в сторону демонстратива I. Таким образом, непосредственная близость к говорящему важнее невидимости.

Наличие пространственных границ «отдаляет» референт как от говорящего (ситуация 20: I – 0,73, II – 0,36; ситуация 19: I – 0,55, II – 0,36), так и от адресата (ситуация 23: I – 0,27, II – 0,27, III – 0,55). Однако в обоих случаях преобладает демонстратив, который бы ожидался без учета фактора пространственной границы. Дверной проем можно считать менее жесткой границей, чем оконная рама (т.к. он легче преодолевается), что отражается в результатах эксперимента.

В ситуации 17 (I – 0,45, II – 0,45, III – 0,55), когда референт находится между локуторами на большом расстоянии, наблюдается сильная вариативность, т.к. эта ситуация не является типичной ни для одного из демонстративов. Референт расположен далеко от обоих локуторов, но в их «общей зоне». Вариативность в ситуациях 19 и 23 также можно связать не только с наличием пространственных границ, но и с тем, что, если пространственная граница «отдаляет» референт, система не предлагает однозначного варианта его обозначения, т.к. он находится между локуторами.

Сопоставление ситуаций 13 и 24 показывает, что наличие третьего человека тоже может иметь значение. В ситуации 13 (I – 0,27, II – 0,45, III – 0,45) ожидалось бы *ани*, т.к. референт удален от обоих локуторов, однако мы видим вариативность *ани/ауи*. Видимо, это связано с тем, что референт находится рядом с третьим человеком.

Анкета не фокусировалась на том, чтобы определить, влияет ли на выбор указательного местоимения наличие жеста. Минимальная пара (ситуации 4 и 5) – плохой диагностический контекст для ашхарского, т.к. референт находится на расстоянии руки от говорящего и, соответственно, здесь предполагается использование ближнего дейктика. Только у одного носителя было зафиксировано различие в выборе демонстратива в этих ситуациях (I и III соответственно). Кроме того, один носитель в ситуации 12 употребил демонстратив I при наличии жеста, и когда его

попросили убрать жест, ответ изменился на II. Тем не менее этот фактор, безусловно, требует отдельного изучения.

4.4. Значения темиргоевских адыгейских демонстративов

Результаты эксперимента показали, что адыгейский также имеет трехчастную систему пространственных дейктиков, состоящую из местоимений *мы*, *мо* и *а*; четвертый демонстратив *джа* при ответах не появился ни разу.

Демонстратив первого разряда *мы* (см. рис. 6) выбирается, если референт включен в зону говорящего: если он расположен на расстоянии ≤ 3 по шкале от говорящего и не находится ближе к адресату, чем к говорящему. Если референт находится между или почти между локуторами на одинаковом расстоянии от них, вне зависимости от величины расстояния (ситуации 8, 17, 20) тоже выбирается *мы*. Указательный жест увеличивает вероятность *мы*, если референт находится близко к говорящему, но в зоне адресата (ситуации 4 vs 5). Если референт не виден говорящему, вероятность *мы* понижается (ситуации 6, 7 vs 11). Наличие пространственной границы между говорящим и референтом также понижает вероятность *мы* (ситуации 19, 22).

Демонстратив второго разряда *мо* (см. рис. 7) появляется в двух случаях, если референт не включен в зону говорящего:

1) референт одинаково удален от обоих локуторов (≥ 4 по шкале от говорящего и адресата: ситуации 12, 13, 14, 21, 24, 25);

2) референт находится на небольшом расстоянии от обоих локуторов, но ближе к адресату, чем к говорящему (≤ 3 по шкале от адресата: ситуации 2, 4, 5, 10).

Вопреки выводам Д.В. Барыльниковой (2013), в условиях эксперимента *мо* оказывался легко допустим и без жеста рукой.

Наконец, демонстратив третьего разряда *а* (см. рис. 8) появляется, если референт находится далеко от говорящего, но близко к адресату (ситуации 16, 18, 23) или если референт не виден говорящему (ситуации 15, 18). Однако даже в типичных для III контекстах *а* конкурирует с *мо*, и вероятность его появления не превышает значения 0,7.

Обобщим значения демонстративов:

- *мы* (I) обозначает объект, находящийся в зоне говорящего;
- *мо* (II) обозначает объект, находящийся одинаково далеко от обоих локуторов или находящийся на небольшом расстоянии от говорящего, но ближе к адресату;
- *а* (III) используется, когда объект расположен далеко от говорящего, но близко к адресату, или когда референтом выступает невидимый объект.

4.5. Сопоставление факторов в адыгейской системе

Сперва проанализируем взаимодействие факторов расстояния и ассоциации с первым и вторым лицом. На небольшом расстоянии от говорящего выбирается демонстратив первого разряда, если референт не находится ближе к адресату. В этом случае факт соотносённости с зоной локутора важнее, чем расстояние. Нахождение референта в зоне адресата сильно понижает вероятность демонстратива I, который в таком контексте конкурирует с демонстративом II (ситуация 2: I – 0,55, II – 0,45; ситуация 9: I – 0,57, II – 0,43; ситуация 4: I – 0,4, II – 0,45; ситуация 5: I – 0,25, II – 0,7).

На большом расстоянии от говорящего референт, расположенный ближе к адресату, обозначается демонстративом III (ситуация 16: II – 0,35, III – 0,7). Если же референт удален от обоих локуторов, выбирается демонстратив II. Таким образом, демонстратив II можно считать немаркированным указательным местоимением, которое выбирается, когда не могут быть употреблены демонстративы I или III. Иногда демонстратив II – как немаркированный компонент – возникает и в контекстах, типичных для демонстратива III (ситуация 16: 0,35, ситуация 18: 0,30), но выбор демонстратива II в этих ситуациях не является последовательной стратегией.

Если референт находится в общей зоне, т.е. между или почти между локуторами, предпочитается демонстратив I, вне зависимости от расстояния (ситуация 8: I – 1; ситуация 17: I – 0,75, II – 0,3; ситуация 20: I – 0,8, II – 0,2).

Невидимые объекты могут обозначаться демонстративом III, но фактор видимости является значимым лишь для некоторых участников эксперимента. Минимальные пары по видимости, когда референт находится рядом с третьим лицом, показывают, что этот фактор повышает вероятность демонстратива III (ситуация 13: III – 0,2, ситуация 15: III – 0,57). Однако в минимальных парах на большом расстоянии и без наличия третьего лица фактор видимости оказывается не столь существенным (ситуация 24: II – 0,96, III – 0,03; ситуация 25: II – 0,8, III – 0,2). Кроме того, вариативность, связанную с фактором видимости, показывают ситуации 10 (II – 0,63, III – 0,43) и 11 (I – 0,53, III – 0,23). Таким образом, хотя III и может обозначать невидимые объекты, в некоторых ситуациях и для некоторых носителей параметр видимости незначим.

Пространственные границы, как и в ашхарском, «отделяют» референт от локутора, отделенного границей (ситуация 19: I – 0,45, III – 0,3; ситуация 20: I – 0,8, II – 0,2; ситуация 22: I – 0,6, II – 0,2; ситуация 23: I – 0,35, III – 0,5). Если этот эффект имеет место, то референт может быть

отнесен к зоне локутора, с которым он находится в едином пространстве, или может восприниматься как удаленный от обоих участников.

Минимальная пара по наличию жеста показывает, что, если референт находится на небольшом расстоянии от говорящего, но ближе к адресату, жест может способствовать выбору I (ситуация 4 с жестом: I – 0,4, II – 0,45; ситуация 5 без жеста: I – 0,25, II – 0,7).

5. Сопоставление ашхарской и адыгейской систем демонстративов

Очевидно, дистрибуция ситуаций для абазинского и адыгейского языков похожа. Демонстратив I обозначает референт, находящийся близко к говорящему. Демонстратив II обозначает референт, находящийся далеко от обоих локуторов. Демонстратив III используются, когда референт расположен далеко от говорящего, но близко к адресату или когда он не виден говорящему. Итак, системы двух родственных языков схожи несмотря на то, что они не содержат очевидных родственных элементов. Однако эти системы неидентичны.

Основное различие состоит в выборе демонстративов, когда референт находится на небольшом расстоянии от говорящего, но ближе к адресату. Ни в одном из языков преобладающий в этом случае демонстратив не соответствует тому, который характерен для референта на большом расстоянии от говорящего и близко к адресату. В ашхарском материале в таких ситуациях предпочитается I, который выбирается на основании расстояния (≤ 4 по шкале от говорящего). В адыгейском используется не I, который обычно выбирается на основании включения референта в зону говорящего и не III, ассоциированный с адресатом на большом расстоянии, а II – немаркированный компонент системы.

Кроме того, между языками обнаруживается отличие в дистанции, на которой может находиться объект, обозначающийся демонстративом I. Если до референта можно дотянуться рукой (≤ 3 по шкале), он может маркироваться I как в ашхарском, так и в адыгейском. В случае, когда референт находится на расстоянии нескольких шагов или метров от говорящего, в ашхарском предпочитается I, а в адыгейском – немаркированный II. Как видно, для ашхарского граница пространства говорящего немного шире.

Адыгейская система, в отличие от ашхарской, имеет правило трактовки ситуаций, когда референт находится между локуторами (на одинаковом расстоянии). Такой объект относится к зоне говорящего и, соответственно, преимущественно обозначается I. В ашхарском же, если такие ситуации не поддаются какому-либо другому правилу, возникает

сильная вариативность, показывающая, что эти случаи не вписываются в типичные значения ни одного из демонстративов. Аналогичная проблема описывается для бразильского португальского [Meira, Guirardello-Damian, 2018, p. 127] и для языка гоэмаи [Hellwig, 2018, p. 142].

Как в ашхарской системе, так и в адыгейской демонстратив III ассоциируется также с невидимостью говорящему. Фактор видимости является определяющим для ашхарского абазинского, т.е. выбор демонстратива явно зависит от этого фактора. В адыгейском же он влияет на выбор демонстратива только у некоторых носителей.

Также и в ашхарском абазинском, и в адыгейском на выбор демонстративов может влиять наличие пространственных границ и наличие жеста, но влияние этих факторов невелико.

Итак, мы можем обобщить основные различия систем.

1. В ситуации, когда референт находится недалеко от говорящего, но ближе к адресату, в ашхарском предпочитается демонстратив I, а в адыгейском – демонстратив II.

2. С точки зрения расстояния для ашхарского граница пространства говорящего немного шире, чем для адыгейского.

3. Если референт находится между локуторами на большом расстоянии от обоих, в адыгейском предпочитается демонстратив I, а в ашхарском наблюдается вариативность.

4. Фактор видимости в ашхарском более значим, чем в адыгейском.

6. Интерпретация результатов

Ашхарская и адыгейская системы не являются лично-ориентированными или дистантно-ориентированными в строгом смысле, поскольку для них одновременно существенны несколько разных факторов. Далее мы рассмотрим возможные подходы к анализу этих двух систем в более широком типологическом и теоретическом контексте.

Ассоциация с адресатом – важный параметр при выборе демонстратива в обоих языках, что свойственно лично-ориентированным системам. Тогда, используя терминологию С. Левинсона [Levinson, 2018], можно описать набор элементов ашхарской системы демонстративов как S-proximal (близко к говорящему, I), A-proximal (близко к адресату, III) и S&A-distal (далеко от говорящего и адресата, II). В адыгейском же выделяется S-proximal (близко к говорящему, I), A-proximal (близко к адресату, III) и немаркированный элемент системы (II). В обоих языках A-proximal ограничен контекстами, в которых референт находится далеко от говорящего. Правда, в ашхарском A-proximal возникает и в контекстах, когда референт недалеко от говорящего (ситуация 5: 0,27, ситуация 9: 0,45), но ни один из опрошенных носителей не придерживается

последовательно такой стратегии. Это можно объяснить тем, что для ассоциации с адресатом наиболее типичны контексты с референтом, находящимся далеко от говорящего, в иных же контекстах возникает конкуренция между ассоциацией с говорящим и ассоциацией с адресатом.

Похожим образом описывается система кининского рутульского [Mukhin, Nasledskova, 2025], содержащая S-proximal, A-proximal и S(&A)-distal демонстративы. A-proximal тоже в основном используется, если референт находится далеко от говорящего и близко к адресату. В контекстах, где референт находится близко к адресату, могут возникать S-proximal и (у некоторых носителей) S(&A)-distal, в зависимости от расстояния от говорящего. Однако это отличается от ситуации в адыгейском: немаркированный компонент не может быть назван S(&A)-distal, т.к. он встречается и в ситуациях, в которых референт находится близко, на расстоянии руки от говорящего (ситуации 2, 4, 5).

При таком описании ашхарских и адыгейских данных существенным оказывается не только фактор (не)ассоциированности с одним из локуторов, но и параметр расстояния от говорящего. В системе нет элемента, который всегда употребляется, если референт находится в зоне адресата, т.к. выбор демонстратива зависит и от дистанции. Таким образом, параметр ассоциированности с одним из локуторов нужно рассматривать наравне с параметром расстояния от говорящего и другими параметрами, которые влияют на включенность референта в зону говорящего.

Мы полагаем, что рассматриваемые системы не являются лично-ориентированными в строгом смысле и не полицентричны, т.к. ассоциированность с адресатом – лишь один из параметров, «отдаляющих» референт от говорящего. Основываясь на этом, мы предлагаем два возможных описания обсуждаемых систем.

Первое описание фактически подсчитывает количество факторов, препятствующих включению референта в зону говорящего. Соответствующее представление систем ашхарских и адыгейских демонстративов предлагается в таблице 4. Основные параметры – расстояние от говорящего и ассоциированность с адресатом – удобно анализировать как ограничения на включенность в зону говорящего. Объект в меньшей степени ассоциирован с говорящим, если он от него отдален и/или если он находится в зоне адресата. Именно поэтому признаки в таблице 4 сформулированы отрицательно³.

³ Для описания наших данных эти признаки могут быть сведены к бинарному противопоставлению, т.к. для «среднего» расстояния нет специального демонстратива, в таком случае возникают колебания между ближним и средним/дальним демонстративом. Однако нужно оговориться, что граница между «+» и «-» для расстояния различается: в ашхарском I может использоваться при большем расстоянии от говорящего, чем в адыгейском (см. раздел 5).

Таблица 4

**Ашхарская и адыгейская системы демонстративов:
два параметра**
[Ashqarawa and West Circassian demonstrative systems:
Two parameters]

Ашхарский [Ashqarawa]	Не [далеко от говорящего] [Not [far from the speaker]]	Не [в зоне адресата] [Not [in the addressee's domain]]	Адыгейский [West Circassian]
I	+	+	I
	+	–	II
II	–	+	
III	–	–	III

Итак, комбинации значений параметров выстраиваются в шкалу включенности в зону говорящего, отображаемой количеством «+»: референт включен в зону говорящего (+ +), один из параметров мешает референту быть включенным в зону говорящего (+ – или – +) и, наконец, референт никак не может ассоциироваться с говорящим (– –). С этими контекстами можно сопоставить демонстративы, которые в них обычно употребляются в ашхарском и в адыгейском. Во втором контексте (+ –) два языка обнаруживают различие: если референт недалеко от говорящего и в зоне адресата, в ашхарском выбирается демонстратив I, а в адыгейском – демонстратив II.

Как было установлено в разделе 4, значимым также может быть параметр видимости. Если невидимость влияет, выбирается демонстратив III, однако этот параметр не всегда оказывается решающим. Предложенная схема описания позволяет отразить и это; см. таблицу 5, дополнительно включающую параметр видимости. Мы не можем однозначно упорядочить все контексты, соответствующие одному демонстративу, поэтому их порядок отчасти условный. Ашхарский и адыгейский ведут себя по-разному в ситуации 10, когда говорящий и адресат сидят рядом, а референт находится сбоку от адресата, так, что он не виден говорящему (+ – –). В ашхарском в таком случае выбирается III, а в адыгейском предпочитается II (т.е. параметр видимости не значим). Также в ситуациях, когда референт находится далеко от говорящего и адресата и не виден, в адыгейском наблюдается вариативность между II и III. Такое широкое использование адыгейского демонстратива II отражает его «немаркированность», но его значения могут быть закономерно описаны с помощью предлагаемого подхода.

**Ашхарская и адыгейская системы демонстративов:
три параметра**
**[Ashqarawa and West Circassian systems of demonstratives:
Three parameters]**

Ашхарский [Ashqarawa]	Не [далеко от говорящего] [Not [far from the speaker]]	Не [в зоне адресата] [Not [in the addressee's domain]]	Видимый [Visible]	Адыгейский [West Circassian]
I	+	+	+	I
	+	+	–	
	+	–	+	II
II	–	+	+	
III	+	–	–	II / III
	–	+	–	
	–	–	+	III
	–	–	–	

Второе возможное описание по-прежнему учитывает то, что ассоциация с адресатом мешает включению референта в зону говорящего, но при этом исходит из того, что основное противопоставление в этих системах возникает между демонстративом первого разряда (референт рядом с говорящим или ассоциирован с говорящим) и демонстративом второго разряда (референт не рядом с говорящим и не ассоциирован с говорящим). Демонстратив III, в свою очередь, появляется, когда говорящий вообще не выступает как точка отсчета, с которой соотносится объект. Это может касаться трех типов случаев:

(i) референт не виден говорящему;

(ii) референт находится настолько близко к адресату, но при этом настолько далеко от говорящего, что адресат перенимает роль точки отсчета – с этим связан комментарий некоторых носителей адыгейского к ситуации 16, согласно которому демонстратив II не должен в ней употребляться, поскольку он невозможен для адресата;

(iii) отсылка к референту не носит собственно дейктический характер – именно поэтому местоимения разряда III обычно употребляются в качестве анафорических (см. [Генко, 1955, с. 103–104] для абазинского языка и [Arkadiev, Lander, 2020, p. 27; Унарокова, 2025] для адыгейского языка).

Так или иначе, рассматриваемые системы демонстративов могут быть охарактеризованы как ориентированные на включенность в зону говорящего, т.е. они в широком смысле моноцентричны, несмотря на то, что отношения между адресатом и референтом являются релевантными.

7. Выводы

По итогам экспериментального исследования на основе анкеты [Wilkins, 2018] мы можем описать основные значения демонстративов в двух абхазо-адыгских идиомах: ашхарском абазинском и темиргоевском адыгейском. В таблице 6 приведены условия, при которых референт в рассматриваемых языках обозначается тем или иным демонстративом.

Таблица 6

Значения демонстративов в ашхарском и адыгейском [The meanings of demonstratives in Ashqarawa and West Circassian]

	Ашхарский [Ashqarawa]		Адыгейский [West Circassian]	
I	<i>ари</i>	Близко (≤ 4 по шкале) к S [Close to S (≤ 4 on the scale)]	<i>мы</i>	Близко (≤ 3 по шкале) к S [Close to S (≤ 3 on the scale)]
II	<i>ани</i>	Далеко от S и A [Far from both S and A]	<i>мо</i>	Далеко от S и A или недалеко от S, но ближе к A [Far from both S and A or close to S but closer to A]
III	<i>ауи</i>	Далеко от S и близко к A или не виден S [Far from S and close to A or not visible to S]	<i>а</i>	Далеко от S и близко к A или (иногда) не виден S [Far from S and close to A or (sometimes) not visible to S]

Примечание. S – говорящий, A – адресат. [Note. S is the speaker, A is the addressee]

Таким образом, основные факторы, влияющие на выбор демонстратива, – ассоциация с одним из локуторов, расстояние от говорящего и (не-)видимость. В меньшей степени влияет наличие пространственных границ, третье лицо и наличие жеста. Выбор ни одного из демонстративов не задается исключительно параметром дистанции (как в моноцентричных дистантно-ориентированных системах) или параметром ассоциированности с говорящим или адресатом (как в полицентричных лично-ориентированных системах).

Эти данные указывают на неединственность факторов, влияющих на выбор демонстратива. В то же время, как мы показали в разделе 6, несмотря на релевантность адресата, рассматриваемые системы можно

интерпретировать как ориентированные на говорящего и, соответственно, моноцентричные (при том что на включенность референта в зону говорящего влияют разные параметры). Не исключено, что и некоторые другие системы, которые описываются как лично-ориентированные и полицентричные, могут быть проанализированы аналогично – как ориентированные на говорящего и моноцентричные, где ассоциированность с адресатом является лишь одним из параметров, влияющих на включенность в зону говорящего. Этот вопрос остается открытым для будущих исследований.

Библиографический список / References

Барыльникова, 2013 – Барыльникова Д.В. Пространственный дейксис в темиргоевском диалекте адыгейского языка. Рукопись. М., 2013. [Barylnikova D.V. Prostranstvennyi deiksis v temirgoevskom dialekte adygeiskogo yazyka [Spatial deixis in the Temirgoi dialect of the West Circassian language.] Ms. Moscow, 2013.]

Генко, 1955 – Генко А.Н. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта. М., 1955. [Genko A.N. Abazinskii yazyk. Grammaticheskii ocherk narechiya tapanta [Abaza language: A grammatical sketch of the Tapanta dialect]. Moscow, 1955.]

Керашева, 1957 – Керашева З.И. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп, 1957. [Kerasheva Z.I. Osobennosti shapsugskogo dialekta adygeiskogo yazyka. [Specifics of the Shapsug dialect of the West Circassian language]. Майкоп, 1957.]

Кибрик, 2005 – Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб., 2005. [Kibrik A.E. Konstanty i peremennyye yazyka [Constants and variables of language]. St. Petersburg, 2005.]

Клычев, 2000 – Клычев Р.Н. Абазинский литературный язык. Поиски и находки. Карачаевск, 2000. [Klychev R.N. Abazinskii literaturnyi yazyk. Poiski i nakhodki [The Abaza literary language: Searches and findings]. Karachaevsk, 2000.]

Кумахов, 1989 – Кумахов М.А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М., 1989. [Kumakhov M.A. Sravnitelno-istoricheskaya grammatika adygsikh (cherkessikh) yazykov [Comparative-historical grammar of the Adyghe (Circassian) languages]. Moscow, 1989.]

Кумахов, 2006 – Кабардино-черкесский язык. Т. I. Создание письменности, фонетика и фонология, морфология, синтаксис / под ред. М.А. Кумахова. Нальчик, 2006. [Kabardino-cherkesskii yazyk [Kabardian-Circassian language]. Vol. I. Creation of writing system, phonetics and phonology, morphology, syntax. Nalchik, 2006.]

Ландер, Унарокова, 2024 – Ландер Ю.А., Унарокова Ш.Ш. Принципы выделения местоименных серий (на материале адыгейских демонстративов) // Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 93–121. [Lander Yu.A., Unarokova Sh.Sh. Defining pronominal series: Demonstratives in West Circassian. *Voprosy jazykoznanija*. 2024. No. 2. Pp. 93–121. (In Rus.)]

Ломтатидзе, 2006 – Ломтатидзе К. Абазинский язык (краткое обозрение). Тбилиси, 2006. [Lomtaticidze K. Abazinskii yazyk (kratkoe obozrenie) [The Abaza language (a brief survey)]. Tbilisi, 2006.]

Мерданова, Федорова, 2002 – Мерданова С.Р., Федорова О.В. Дейктическая система хпокского диалекта агульского языка // Исследования по теории грамматики. Вып. 2. Грамматикализация пространственных значений / под ред. В.А. Плуңгяна. М., 2002. С. 220–231. [Merdanova S.R., Fedorova O.V. The deictic system of the Huppuq' dialect of Agul. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. Vol. 2: Grammaticalization of spatial meanings. V.A. Plungian (ed.). Moscow, 2002. Pp. 220–231. (In Rus.)]

Падучева et al., 2011–2020 – Падучева Е.В., Пекелис О.Е., Стойнова Н.М. Местоимение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (rusgram.ru). Рукопись. Москва, 2011–2020. URL: <http://rusgram.ru/new/chapter/pos/pronoun/> (дата обращения: 09.01.2025). [Paducheva E.V., Pekelis O.E., Stoinova N.M. Mestoimenie. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki (rusgram.ru) [Pronoun. Materials for the project of corpus description of Russian grammar (rusgram.ru)]. Ms. Moscow, 2011–2020. URL: <http://rusgram.ru/new/chapter/pos/pronoun/> (accessed: 09.01.2025).]

Рогава, Керашева, 1966 – Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп, 1966. [Rogava G.V., Kerasheva Z.I. Grammatika adygeiskogo yazyka [Grammar of the West Circassian language]. Krasnodar; Maikop, 1966.]

Ростовцев-Попель, 2009 – Ростовцев-Попель А.А. Типология демонстративов: средние дейктики // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 22–34. [Rostovtsev-Popiel A.A. Typology of demonstratives: Medial deictics. *Voprosy jazykoznanija*. 2009. No. 2. Pp. 22–34. (In Rus.)]

Табулова, 1976 – Табулова Н.Т. Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология. Черкесск, 1976. [Tabulova N.T. Grammatika abazinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya [Grammar of the Abaza language: Phonetics and morphology]. Cherkessk, 1976.]

Унарокова, 2025 – Унарокова Ш.Ш. Конкуренция указательных местоимений «а» и «джа» // Сохранение и развитие родного языка в условиях глобализации: современные методы и технологии: материалы VII Международной научно-методологической конференции, посвященной Международному десятилетию языков коренных народов (2022–2032) (Майкоп, 20–21 февраля 2025 г.) / под ред. С.Х. Анчек. Майкоп, 2025. С. 88–91. [Unarokova Sh.Sh. Competition between demonstrative pronouns “a” and “dzha”. *Sokhranenie i razvitie rodnogo yazyka v usloviyakh globalizatsii: sovremennye metody i tekhnologii: materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-metodologicheskoi konferentsii, posvyashchennoi Mezhdunarodnomu desyatiletiyu yazykov korennykh narodov (2022–2032) (Maikop, 20–21 fevralia 2025 g.)*. S.Kh. Anchek (ed.). Maikop, 2025. Pp. 88–91. (In Rus.)]

Федорова, 2001 – Федорова О.В. Пространственная типология указательных местоимений дагестанских языков // Вопросы языкознания. 2001. № 6. С. 28–56. [Fedorova O.V. Spatial typology of demonstratives in Dagestania languages. *Voprosy jazykoznanija*. 2001. No. 6. Pp. 28–56. (In Rus.)]

Шаги́ров, 1977 – Шаги́ров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Т. 1 (А–Н). М., 1977. [Shagirov A.K. Etimologicheskii slovar' adygsikh (cherkessikh) yazykov [Etymological dictionary of Adyghe (Circassian) languages]. Vol. 1 (A–N). Moscow, 1977.]

Шадури, 2006 – Шадури И. Морфология абхазского языка. Тбилиси, 2006. [Shaduri I. Morfologiya abkhazskogo yazyka [Morphology of the Abkhaz language]. Tbilisi, 2006.]

Шлуинский, 2014 – Шлуинский А.Б. Внутригенетическая типология: методологические заметки // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика / под ред. М.А. Даниэля, Е.А. Лютиковой, В.А. Плунгяна и др. СПб., 2014. С. 127–139. [Shluinsky A.B. Intra-genetic typology: Methodological notes. *Yazyk. Konstanty. Peremennye. Pamyati Aleksandra Evgenevicha Kibrika*. M.A. Daniel, E.A. Lyutikova, V.A. Plungian et al. (eds.). St. Petersburg, 2014. Pp. 127–139. (In Rus.)]

Яковлев, Ашхамаф, 1941 – Яковлев Н., Ашхамаф Д. Грамматика адыгейского литературного языка. М.; Л., 1941. [Yakovlev N., Ashkhamaf D. Grammatika adygeiskogo literaturnogo yazyka [Grammar of the West Circassian literary language]. Moscow; Leningrad, 1941.]

Яковлев, 1948 – Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.; Л., 1948. [Yakovlev N.F. Grammatika literaturnogo kabardino-cherkesskogo yazyka [Grammar of the Kabardian-Circassian literary language]. Moscow; Leningrad, 1948.]

Anderson, Keenan, 1985 – Anderson S.R., Keenan E.L. Deixis. *Language Typology and Syntactic Description*. T. Shopen (ed.). Vol. 3. Cambridge University Press, 1985. Pp. 259–308.

Arkadiev, Lander, 2020 – Arkadiev P., Lander Y. The Northwest Caucasian Languages. *The Oxford Handbook of the Languages of the Caucasus*. Oxford University Press, 2020.

Bhat, 2007 – Bhat D.N.S. Pronouns. Oxford University Press, 2007.

Bohnemeyer, 2018 – Bohnemeyer J. Yucatec Demonstratives in Interaction: Spontaneous versus Elicited Data. *Demonstratives in Cross-Linguistic Perspective*. S. Levinson, S. Cutfield, M. Dunn et al. (eds.). Cambridge University Press, 2018. Pp. 176–205.

Bühler, 1982 – Bühler K. The Deictic Field of Language and Deictic Words. *Speech, Place and Action*. R. Jarvella, W. Klein (eds.). Amsterdam, 1982 [1934]. Pp. 9–30.

Chirikba, 1996 – Chirikba V.A. Common West Caucasian: The Reconstruction of Its Phonological System and Parts of Its Lexicon and Morphology (CNWS Publications 48). Leiden, 1996.

Chirikba, 2003 – Chirikba V.A. Abkhaz. München, 2003.

Colarusso, 1992 – Colarusso J. A Grammar of the Kabardian Language. Calgary, 1992.

Cutfield, 2018 – Cutfield S. Dalabon exophoric uses of demonstratives. *Demonstratives in Cross-Linguistic Perspective*. S. Levinson, S. Cutfield, M. Dunn et al. (eds.). Cambridge University Press, 2018. Pp. 90–115.

Diessel, 1999 – Diessel H. Demonstratives: Form, Function and Grammaticalization (Typological Studies in Language, Vol. 42). Amsterdam, 1999.

Diessel, 2013 – Diessel H. Distance contrasts in demonstratives. *WALS Online* (v2020.4). M.S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). 2013. URL: <http://wals.info/chapter/41> (дата обращения: 21.08.2025).

Fenwick, 2011 – Fenwick R.S.H. *A Grammar of Ubykh*. München, 2011.

Hanks, 2011 – Hanks W.F. Deixis and Indexicality. *Handbook of Pragmatics*. W. Bublitz, N.R. Norrick (eds.). Berlin, 2011. Pp. 315–346.

Hellwig, 2018 – Hellwig B. “See This Sitting One”: Demonstratives and deictic classifiers in Goemai. *Demonstratives in Cross-Linguistic Perspective*. S. Levinson, S. Cutfield, M. Dunn et al. (eds.). Cambridge University Press, 2018. Pp. 134–149.

Hewitt, 2005 – Hewitt G. North West Caucasian. *Lingua*. 2005. Vol. 115. No. 1–2. Pp. 91–145.

Jungbluth, 2003 – Jungbluth K. Deictics in the conversational dyad: Findings in Spanish and some cross-linguistic outlines. *Deictic Conceptualization of Space, Time and Person*. Pragmatics and Beyond New Series. Vol. 122. F. Lenz (ed.). Amsterdam, 2003.

Konuk, 2022 – Konuk N.M. Description grammaticale de l’abzakh – tcherkesse occidental. PhD dis. Université de la Sorbonne Nouvelle – Paris III. 2022.

Lander, Haegeman, 2018 – Lander E., Haegeman L. The Nanosyntax of Spatial Deixis. *Studia Linguistica*. 2018. Vol. 72. No. 2. Pp. 362–427.

Levinson, 2018 – Levinson S. C. Introduction: Demonstratives: Patterns in diversity. *Demonstratives in Cross-Linguistic Perspective*. S. Levinson, S. Cutfield, M. Dunn et al. (eds.). Cambridge University Press, 2018. Pp. 1–42.

Levinson et al., 2018 – Demonstratives in Cross-Linguistic Perspective. S. Levinson, S. Cutfield, M. Dunn et al. (eds.). Cambridge University Press, 2018.

Meira, Guirardello-Damian, 2018 – Meira S., Guirardello-Damian R. Brazilian Portuguese: Non-contrastive exophoric use of demonstratives in the Spoken Language. *Demonstratives in Cross-Linguistic Perspective*. S. Levinson, S. Cutfield, M. Dunn et al. (eds.). Cambridge University Press, 2018. Pp. 116–133.

Mukhin, Nasledskova, 2025 – Mukhin T., Nasledskova P. Demonstrative pronouns in Kina Rutul. *Studies in Language*. 2025. Vol. 49. No. 2. Pp. 456–477.

Paris, 1989 – Paris C. West Circassian (Adyghe: Abzakh Dialect). *The Indigenous Languages of the Caucasus*. Vol. 2: North West Caucasus. B.G. Hewitt (ed.). Delmar, 1989. Pp. 157–260.

Pinkster, 2015 – Pinkster H. *The Oxford Latin Syntax*. Vol. 1. Oxford University Press, 2015.

Schulze, 2008 – Schulze W. Deictic strategies in Udi // Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка / под ред. М.Е. Алексеева, Е.А. Майсака, Д.С. Ганенкова, Ю.А. Ландера. М., 2008. С. 241–308. [Schulze W. Deictic strategies in Udi. *Udinskiy sbornik: grammatika, leksika, istoriya yazyka*. М.Е. Alekseev, Т.А. Maisak, Д.С. Ganenkov, Ю.А. Lander (eds.). Moscow, 2008. Pp. 241–308.]

Wilkins, 2018 – Wilkins D.P. The demonstrative questionnaire: “THIS” and “THAT” in comparative perspective. *Demonstratives in Cross-Linguistic Perspective*. S. Levinson, S. Cutfield, M. Dunn et al. (eds.). Cambridge, 2018. Pp. 43–71.

Yanagisawa, 2013 – Yanagisawa T. *A Grammar of Abkhaz*. Tokyo, 2013.

Статья поступила в редакцию 06.09.2025

The article was received 06.09.2025

Сведения об авторах / About the authors

Миронова Елена Александровна – стажер-исследователь Международной лаборатории языковой конвергенции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Elena A. Mironova – research intern at the Linguistic Convergence Laboratory, HSE University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-1174-5938>

E-mail: elalmironova@edu.hse.ru

Унарокова Шамсет Шабановна – ассистент кафедры адыгейской филологии, научный сотрудник лаборатории экспериментальной лингвистики, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп

Shamset Sh. Unarokova – assistant at the Adyghe Philology Department, research fellow at the Laboratory of Experimental Linguistics, Adyghe State University, Maykop, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-4343-7267>

E-mail: Unarokova.shamset@yandex.ru

Ландер Юрий Александрович – кандидат филологических наук; ведущий научный сотрудник Международной лаборатории языковой конвергенции, доцент Школы лингвистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Yury A. Lander – PhD in Linguistics; Leading research fellow at the Linguistic Convergence Laboratory, associate professor at the School of Linguistics, HSE University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1798-7174>

E-mail: yulander@yandex.ru